

На кинофестивале «Созвездие-95» Игорь Бочкин неожиданно для себя получил приз за лучшее исполнение главной мужской роли в фильме Бориса Невзорова «У попа была собака».

— Никогда бы не подумал, что, участвуя в конкурсе вместе с Никитой Михалковым, Олегом Меньшиковым и Владимиром Машковым, вообще что-то получу, — признался Игорь. — Хотя, чего скрывать, приятно.

Мне тоже, ведь мы знакомы (о, ужас!) более тридцати лет — учились в одном классе, куда время от времени забегали ассистенты режиссеров с соседней киностудии имени Горького. Одна из них присмотрела Игоря для детской картины «Огоньки». Так много лет назад он попал в кино.

А недавно в Ярославле наблюдала, как нынешняя «звезда» телесериала «Горячев и другие» сам раздавал деткам автографы.

Популярность у Игоря фантастическая. Когда «Московский комсомолец» сообщил о том, что у него угнали машину (кстати, произошло это 1 апреля, и поначалу актер думал, что друзья просто решили над ним подшутить), свои услуги по розыску предлагали даже ясновидящие из специального центра, руководитель которого обожает «Горячева». Но машину и так очень быстро обнаружили.

Как-то спросила жену Игоря Светлану (она у него банкир), ожидала ли она, что к мужу придет слава, и в ответ услышала историю, о которой не могу умолчать:

— Восемь лет назад я получила квартиру, и один из моих гостей привел на новоселье приятеля. Вот и все! Бросила мужа-бизнесмена и ушла за

Игорь БОЧКИН:

«УСТАЛ ОТ «ГОРЯЧКИ». ЖАЖДУ СНЯТЬ КЛЕЙМО»

Бочкиным — актером Театра имени Гоголя без званий и степеней. Жить было негде, работали дворниками, чтобы получить служебную площадь, убирали окурки на проспекте Мира. Как-то со всей своей 74-рублевой зарплаты Игорь купил мне серебряные сережки с жемчужинками. Они до сих пор в моей жизни самый дорогой подарок. Никогда за эти годы ни о чем не пожалела, хотя всякое бывало. Собирались даже развестись, но я сказала, что не смогу его доверить никакой другой женщине: она все будет делать не так. Надо сказать, он с этим быстро и охотно согласился и распаковал чемодан. С тех пор не расстаемся.

— Видела тебя недавно в программе «Тема», — говорю Игорю и слышу:

— Поставил крест на посиделках на телевидении, потому что, честно говоря, «Темой» я был просто убит.

По дороге в студию прикидывал, кто же будет сидеть в креслах? Считаю, что сериалы — народные зрелища, поэтому ожидал увидеть три знакомых лица: Вячеслава Тихонова, или Юрия Соломина, или Николая Караченцова, или Сергея Колосова — постановщика первого советского многосерийного фильма «Вызываем огонь на себя». Вместо этого на авансцене находились два кандидата наук — психологи (один защитил диссертацию по «Санта-Барбаре», другая — специалист по «Розам») и актер Карапетян, участвовавший в дубляже, но не снявшийся ни в одном телесериале.

Передача и раньше нравилась мне через раз, а теперь, когда появился новый ведущий — милый мальчик, который не имеет собственного мнения, — она испортилась окончательно. Ибо два с половиной часа было потрачено на обсуждение жутких мексиканских сериалов. Своих как будто и не было. Артист Карапетян так и заявил: о наших сериалах говорить нечего, когда они появляются, тогда и поговорим. А между прочим, в студии помимо меня, находились Владимир Конкин,

снявшийся в «Как закалялась сталь» и «Место встречи изменить нельзя», известный телережиссер Леонид Пчелкин, работающий сегодня над «Петербургскими тайнами», Кирилл Казаков, снимающийся в многосерийной «Графине де Монсоро». Но нам высказаться не дали, да и то, что мы успели сказать, сократили при монтаже.

Если «Мелочи жизни», «Азбука любви», «Петербургские тайны», «Горячев и другие» так уж плохи, давайте хотя бы разберемся почему. А так я понял только одно: два года работал зря. Тогда зачем надо было нас вообще приглашать?

Что меня окончательно добило, так это аудитория, слушающая «ученые» разговоры о «Розе», согласно кивающая головами и задающая чудовищные убогие вопросы. Неужели о своем нечего сказать? Очень жалею, что пошел.

— Думаю, что телевидение отдает сегодня предпочтение мексиканским сериалам перед нашими, точно так же как любой магазин импортному товару — пусть невысокого качества.

— Не такой уж я патриот и не имею в виду, что мы их шапками закидаем. Хорошие актеры есть и у нас, и у них. Хороших актрис у них даже больше, чем у нас.

Просто сериал, идущий почти ежедневно в течение 3—4 месяцев, должен как-то оправдывать свое появление в телесетке в «прайм-тайм». Что мне, как артисту, личности, человеку дают сериалы «Богатые тоже плачут», «Дикая Роза» или «Просто Мария»? Как профессионал я не выношу ничего: это что, высокий уровень актерской игры? Как человеку мне неинтересно узнавать одно и то же: кто от кого забеременел? Порядочный Хулио или подонки? Отдастся она Рикардо или нет?

Если бы сам я не пережил сериал «Горячев и другие», то, наверное, не имел бы права об этом говорить. Но куда бы я ни приезжал, где бы ни ходил на сцену, меня встречают ова-

циями. Понимаю, что зрители аплодируют не столько артисту Бочкину, сколько результату нашей работы. Значит, наш герой задел за живое, несмотря на то, что — убежден — мы сработали лишь наполовину. Неоднократно ругался по этому поводу с режиссером и продюсером.

— Чем же Горячев мил зрителям?

— С кем ни говоришь сегодня, у всех проблема одна: как жить дальше в своей стране? Где взять деньги — воровать, обманывать или зарабатывать честно?

Горячев во многом ответил на эти вопросы. Думаю, что в нем привлекает сильный внутренний стержень, который помогает ему не сгибаться под ударами судьбы.

Мы родили понятие «положительный герой», а я уж очень хороших играть не люблю. Сам человек сентиментальный, могу заплакать, подаю нищим, хотя догадываюсь, что многие из них зарабатывают больше меня, но бываю и резким. И режиссеру предлагались сцены, в которых Горячев ругался, бил стекла, встречался с теми, с кем сидел в зоне, и они ему поначалу помогали. Постановщики испугались. Вот и получилось: как ни ситуация, Горячев — хороший, пострадал, сигаретку покурил и пошел. Дерьмо к нему не прилипает. А наворотить можно было многое.

— Тем не менее слава к тебе пришла после Горячева?

— Мы получили мешки писем, некоторые храню дома. Зритель посвятил мне целую поэму, а из Израиля написали: «Наша дочь выбирает «пелси», а мы — Горячева».

А на улице меня узнавали и раньше, после «ЧП районного масштаба», в Одессе премьера проходила с конной милицией.

После шукшинского «Крепкого мужика» водитель такси пытал, только что за горло не хватал, почему я застрелился в финале. Александр Кайдановский и Алексей Герман похвалили.

Сейчас иногда в магазине кричат: «Горячев!» А мне приятно, когда говорят: «Вон смотрите, Бочкин пошел».

— Театр имени Гоголя, в котором ты работал, вырастил не единственную телезвезду. Как ты оцениваешь теледеятельность автора «Угол-шоу» Игоря Угольниковца или ведущего «Песни-95» Евгения Меньшова?

— Считаю, что они — люди страшные, не боятся ставить на себя клеймо. Помню, как после «ЧП» один режиссер сказал: «Ну, теперь все «костюмы» в стране твои». И я долго не мог перепрыгнуть этот барьер. А после «Взбесившегося автобуса» мне предлагали играть одних разбойничков.

То же самое с Горячевым, который 35 серий только ходил и страдал. Как можно сравнивать диапазон моей роли с ролями Алексея Гуськова или Ольги Толстеской? Им было где развернуться. Кстати, когда в последних 14 сериях Горячев прекратил думать у компьютера, а занимался только личными проблемами, рейтинг сериала тут же поднялся. Сам смотрел на экран и радовался: наконец-то этот «дундила» нормально с дочерью разговаривает.

— Что ты в «Горячеве» не играл?

— Многие вещи были взяты из моей жизни. Я, конечно, не сидел в тюрьме, но возвращение из армии было похожим. Отец умер, когда мне было 10 лет, меня тоже воспитывала одна мать. Дочь у меня живет в Испании, и я мало что о ней знаю. Хлебнул кое-чего... Не нагнал, когда надо было лишний раз поклониться. Я — человек непримиримый, вел себя так, как считал нужным, а не как мне рекомендовали. Если мне что-то не по душе — всегда найду отговорку. Сколько раз звали в круизы с предпринимателями. Но зачем мне это? Сидеть и «квасить», чтобы потом те могли сказать: «Мы с Горячевым водку пили?»

Кто-то из актеров предпочитает мелькать, а на вопрос, что человек сделал в профессии, не может ответить никто, включая его самого. Нам отведено так мало времени, а сыграть хочется так много...

— Станешь еще играть положительных героев?

— Устал от «Горячки». Жажду снять клеймо. Очень жду киевскую картину режиссера Владимира Балкашинова «Вояж». Мой герой, как всегда, только что вышел из тюрьмы, все от него отвернулись, жена бросила, уехала за границу. Сюжет пересказывать не буду, но такого я точно никогда не играл. Я наконец-то вылез из дурацких костюмов, которые мне порядком надоело. Сажу в кадр полным ублюдком — волосы длинные, одет в телогрейку, пью, дерусь и... В общем, у меня в фильме много откровенных сцен.

Начинаю сниматься у Валерия Лонского в фильме «Барханов и его телохранители» в роли эдакого ушлого современного Остапа Бендера.

Не расстался с мечтами о шукшинском Разине, «Печальном детективе».

— Москва заполнена твоим лицом на фоне компьютера «Амата». Наверное, ты здорово разбогател?

— Не имею с этого ни копейки. Когда-то снялся в смешной телерекламе, но о том, что она превратится в рекламный щит и заполнит собою город, не был даже предупрежден. Кроме того, вышла книга «Горячев и другие» с моей физиономией на обложке, а мне тоже до сих пор ничего не заплатили. Судиться, что ли, с ними?

— Раньше под занавес спрашивали о творческих планах, теперь — о политических пристрастиях.

— У меня их нет. Не понимаю, за что гибнут в Чечне. Когда я два года служил на Кольском полуострове, сидел в сопках, получал от матери письма, закапанные слезами. Что чувствуют сегодня матери, дети которых оказались в Чечне? Кому они должны верить?

Надо «ребятам» наконец-то разобрататься между собой, а то у кого клыки сильнее, тот и загрызет противника и будет прав. Не хочу во все это влезать, потому что правды мы до конца никогда не узнаем.

Когда на встречах зрители спрашивают о политике, предлагаю: «Давайте лучше расскажем о том, что такое мизансцена».

Беседу вела Марина ПОРК.